

PHILOLOGY OF THE EAST
Folklore
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Фольклористика

Научная статья

Филологические науки

УДК 398.5

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-5-1034-1043>

Нарратив о защите мусульманского сакрального пространства в арабском фольклоре нового времени

Олег Александрович Соколов

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия,
o.a.sokolov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6051-5239>

Аннотация. На протяжении многих веков история Леванта и Аравии была отмечена соперничеством за контроль над сакральными пространствами между представителями различных конфессий, и это противостояние продолжается по сей день. Одним из наиболее напряженных периодов данной борьбы стала эпоха Крестовых походов, изучение памяти о которой в фольклорных источниках представляется важной научной задачей. Значительный интерес в данном случае представляет нарратив о защите мусульманского сакрального пространства, сложившийся в т.н. арабских народных романах. Хотя угроза сакральному пространству в данном типе источников зачастую исходит не от франков (*ifranj*), а от византийцев (*rūm*), а само действие в некоторых памятниках происходит в доисламские времена, весь комплекс сюжетов об угрозе сакральному пространству в народных романах можно считать отголоском Крестовых походов. Франки и византийцы в романах регулярно угрожают как Иерусалиму, так и Мекке. Можно также с большой долей уверенности предположить, что благодаря большой популярности народных романов в Новое время в коллективной памяти арабов Египта и Леванта до XIX в. сохранялась идея европейской угрозы мусульманскому сакральному пространству.

Ключевые слова: Крестовые походы; ислам; фольклор; сакральное пространство; Иерусалим; Мекка

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке СПбГУ (Проект Pure ID 94034002).

Для цитирования: Соколов О.А. Нарратив о защите мусульманского сакрального пространства в арабском фольклоре Нового времени. *Ориенталистика*. 2023; 6(5):1034–1043. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-5-1034-1043>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-5-1034-1043>

A narrative about the Defense of Muslim Sacred Space in Arab Folklore of the Modern Era

Oleg A. Sokolov

*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
o.a.sokolov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6051-5239>*

Abstract. For many centuries, the history of the Levant and Arabia have been marked by the conflicts for control of sacred spaces between representatives of various faiths, and this confrontation continues to this day. One of the most intense periods of this struggle was the era of the Crusades, the study of the memory of which in folklore sources is an important scientific task. Of significant interest in this case is the narrative about the defense of Muslim sacred space, which developed in the so-called Arabic Folk Epics. Although the threat to sacred space in this type of sources often comes not from the Franks (*ifranj*), but from the Byzantines (*rūm*), and the action itself in some monuments takes place in pre-Islamic times, the whole complex of stories about the threat to sacred space in Folk Epics can be considered an echo of the Crusades. The Franks and Byzantines in the Epics regularly threaten both Jerusalem and Mecca. It can also be assumed with a high degree of confidence that, thanks to the great popularity of Folk Epics in the Modern Era, the idea of a European threat to Muslim sacred space survived in the collective memory of the Arabs of Egypt and the Levant until the 19th century.

Keywords: Crusades; Islam; folklore; sacred space; Jerusalem; Mecca

Acknowledgements: The funding Pure ID 94034002 of Saint Petersburg State University to support this research project is gratefully acknowledged.

For citation: Sokolov O. A. Narrative about the Defense of Muslim Sacred Space in Arab Folklore of the Modern Era. *Orientalistica*. 2023;6(5):1034–1043. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-5-1034-1043> (in Russian).

Сакральное пространство регулярно становится предметом исследования историков, антропологов и религиоведов. На протяжении многих веков история Леванта и Аравии была отмечена соперничеством за контроль над сакральными пространствами между представителями различных конфессий, и это противостояние продолжается до сих пор [*Sacred Space...*, 1998]. При этом в большинстве случаев объектом исследования является Палестина или непосредственно Иерусалим [Elad, 1995; Lassner, 2017]. Исследования, посвященные идентичности арабского населения Леванта в исторической перспективе, практически не затрагивают темы ресакрализации пространства и стигматизации его утраты в народном искусстве позднего Средневековья и раннего Нового времени [Gerber, 2008; Litvak, 2009].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Одним из важнейших периодов в истории Леванта, отмеченных борьбой за сакральное пространство и его ресакрализацией, стала эпоха Крестовых походов. Существует ряд работ, анализирующих восприятие сакрализации и ресакрализации пространства и борьбы за него современниками Крестовых походов [Boas, 2005], а также мусульманскими историками и богословами последующих столетий [Hillenbrand, 1999], однако память неэлитных групп об этом историческом периоде остается малоизученной. Для исследования данного вопроса ряд исследователей считают необходимым обратиться к т.н. арабскому народному роману¹. Кэрл Хилленбранд в своем исследовании восприятия Крестовых походов мусульманами подчеркивает важность изучения данного типа источников: «Как и в других областях средневековой истории, основным пробелом в наших знаниях о социальных аспектах Крестовых походов является точка зрения обычных людей» [Hillenbrand, 1999, p. 263]. Аналогичную оценку высказывает и исследователь арабского средневекового фольклора Малкольм Лайонс [Lyons, 1993, p. 147–161]. Джонатан Филлипс также подчеркивает важность изучения народных романов в контексте исследования памяти о Крестовых походах: «Такие истории [т.е. народные романы] были в первую очередь развлекательными произведениями, но их можно рассматривать как пространство распространения стереотипов, а также сосредоточение проблем, которые заботили людей» [Phillips, 2019, p. 332].

Среди исследований арабских народных романов необходимо отметить главы, посвященные образу Европы в этих памятниках: “The Land of War: Europe in the Arab Hero Cycles” [Lyons, 2001, p. 40–51] и “Exploring Europe through Medieval Islamic Folk Literature” [Christie, 2022, p. 503–520]. Эти исследования, однако, сосредоточены именно на представлениях мусульман о земле франков (*bilād al-ifranj*) как географическом локусе и связи описанных в народных романах приключений с реальными историческими событиями.

Основной целью данной статьи является изучение образа борьбы за сакральные пространства между арабо-мусульманскими эпическими героями и их противниками-христианами, франками (*ifranj*) и византийцами (*rūm*), в арабском народном романе. Источниками для исследования послужили *Sīrat ‘Antara ibn Šaddād* («Жизнь ‘Антары ибн Шаддада»), *Sīrat Banī Hilāl* («Жизнь племени Бану Хилал»), *Sīrat Dāt al-Himma* («Жизнь Зат ал-Химмы») и *Sīrat al-Zāhir Baybars* («Жизнь аз-Захира Бейбарса»). Выбор этих произведений обусловлен их широчайшим распространением и популярностью в Леванте и Египте в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, что единогласно отмечают европейские путешественники и исследователи XVII–XIX вв. [Sokolov, 2022, с. 172–181] Народные романы не теряют популярности и в наше время, они многократно переиздаются и экранизируются в виде фильмов и мультипликаций, что также обуславливает актуальность изучения данных памятников.

¹ В отечественной арабистике термин «арабский народный роман» (англ. “Arabic Folk Epic”) охватывает три лексемы: *sīra*, *qiṣṣa* и *ḥikāya*, используемые в арабской традиции для обозначения эпических циклов подобного типа (два последних относятся, как правило, к менее объёмным произведениям).

Эта статья продолжает наше предыдущее исследование закономерностей сохранения арабской памяти о Крестовых походах [Sokolov, 2022, p. 172–181].

Религиозная мотивация и фанатизм франков (*ifranj*) и византийцев (*rūm*)

В арабском народном романе мы находим множество описаний «крестоносных» устремлений франков и византийцев. Как правило, речь идет о том, что целью франков является обращение всех представителей других религий в христианство, при этом также подчеркивается их сфокусированность на территориальной экспансии, включающей захват и ресакрализацию пространств, принадлежащих другим религиозным общинам. Действия византийцев в большинстве случаев описываются схожим образом, однако встречается также множество эпизодов, когда арабы помогают византийцам бороться против чрезмерно фанатичных франков².

Яркий пример нацеленности христиан на распространение соевей веры силой оружия мы находим в начале *Sīrat 'Antara ibn Šaddād*. Христианский правитель Бадрмут прибывает ко двору византийского императора (*qayṣar*) Антиохии. Он узнает, что император платит дань Хосрову (*kisrā*), огнепоклоннику, и только благодаря этому император может контролировать земли аш-Шама. Бадрмут заявляет, что это абсолютно неприемлемо и необходимо начать войну с Хосровом, чтобы продемонстрировать ему «истинную веру»:

Wa-ḥaqq al-masiḥ wa-l-maḍbaḥ wa-l-dabiḥ ma kuntu aqūlu anna fī al-dunyā man ya'budu ḡayr al-masiḥ wa-in kāna hādā al-malik kamā ḍakarta fa-mā baqiya ḡayr al-jihād wa-izhār al-dīn al-ṣaḥīḥ [*Sīrat 'Antara ibn Šaddād*, [s.d.], vol. 1, p. 261] («Клянусь Христом, алтарем и жертвой, я бы и не сказал, что есть в мире кто-то, кто не поклоняется Христу, и если этот царь таков, как ты упомянул, то нам ничего не остается, кроме [как начать] священную войну и показать [ему] истинную веру»).

В *Sīrat 'Antara ibn Šaddād* есть и примеры прямой угрозы франков сакральному пространству. Например, в одном из эпизодов византийский император предупреждает арабов, что «в земли аш-Шама выступили войска разных народов, все они из франков-завоевателей (*tawā'if muḥtalifat al-ajnās min guzāt al-ifranj*)» [*Sīrat 'Antara ibn Šaddād*, [s.d.], vol. 4, p. 202].

Sīrat al-Zāhir Baybars также подчеркивает религиозный характер противостояния с франками. В формульных выражениях подчеркивается, что король франков бросает вызов легитимным мусульманским религиозным властям, не уважает их и не боится Бога: *Fī ṭarīqinā malik min mulūk al-ifranj yuqālu lahu faranjil lakinnahu jabbār 'anid <...> yanhabu amwāl al-muslimīn wa-lā yubālī min amīr al-mu'minīn wa-lā yaḥṣā saṭwat rabb al-'ālamīn* [*Sīrat al-Zāhir Baybars*, 1996, vol. 1, p. 241] («На нашем пути один из королей франков, которого зовут Фаранджил, и он свиреп и упрям <...> он грабит мусульман и не

² См., например, эпизоды из жизнеописания 'Антары, где он помогает византийскому императору обороняться от франков [*Sīrat 'Antara ibn Šaddād*, [s.d.], vol. 4, p. 238; vol. 7, p. 351].

обращает внимания на Повелителя правоверных и не боится могущества Господа Миров»).

В народных романах также часто говорится о желании христиан захватить все мусульманские земли и обратить всех людей в христианство. Например, в *Sīrat Dāt al-Himma*, Леон (*Lawūn*), правитель Константинополя, получив ложное сообщение, думает, что его полководец Лука (*Lūqā*) разгромил мусульман, и радуется, восклицая, что тот захватит всех их земли и обратит всех их в христианство: *Inna lūqā law ḥaraja yamiliku jamī' al-bilād al-islāmiyya wa yaruddu ahl al-ard ilā al-milla al-mašīḥiyya wa yuqābilu al-sayyid al-mašīḥ bi-tilka al-niyya* [*Sīrat Dāt al-Himma*, 1980–1981, vol. 1, p. 364] («Если Лука взялся за это, то он покорит все мусульманские земли и обратит народы мира в христианскую веру, и Христос вознаградит [его] за это намерение»).

Таким образом, мы видим, что противостояние с *ifranj* и *rūm* в народных романах представлено как имеющее прежде всего религиозную природу, и захват сакральных пространств имеет для христиан первостепенное значение. Далее мы рассмотрим эпизоды с угрозами двум священным городам: Иерусалиму и Мекке.

Нарратив о защите священных городов

В первую очередь необходимо отметить, что в народных романах особо подчеркивается важность Иерусалима для христиан.

Одним из многократно повторяющихся сюжетов является история о том, что франкская принцесса, тайно принявшая ислам, делает вид, что хочет совершить паломничество в Иерусалим, чтобы сбежать из земель франков.

В *Sīrat Banī Hilāl* франкская принцесса, к отцу которой попадает в плен арабский герой Сирхан, под влиянием последнего принимает ислам и просит отца отпустить ее в Иерусалим. Король собирает знать и спрашивает их совета по этому вопросу, на что ему отвечают, что просьбу принцессы нужно удовлетворить: *I'lamū bi-anna al-sitt zahr al-bān ṭalabat minnī al-ḥajj ilā al-quḍs al-šarīf fa-māqā taqūlū bi-hāqā al-ša'n fa-aḡābūhu hāqā farq' alā kull insān* [*Sīrat Banī Hilāl*, [s.d.], p. 127] («Знайте, что госпожа Захр ал-Бан просила у меня [разрешения на] паломничество в благородный Иерусалим, и что вы об этом скажете?», и они ответили: «Это обязанность каждого»»). В данном случае мы, возможно, видим перенос мусульманской идеи об обязательном хадже в Мекку на христианские реалии.

Другая франкская принцесса из этого романа, *Narjīs*, также хочет отправиться в Иерусалим, и тоже просит об этом своего отца: *Fa-murādī yā abī an arūḥa zawrahā wa amtali' bi-nūrihā* [*Sīrat Banī Hilāl*, [s.d.], p. 593] («И желание мое, батюшка, пойти туда [т. е. в Иерусалим] и наполниться его светом»). Отец отпускает ее, отправляя с ней шестьдесят тысяч рыцарей, в результате чего подобное вооруженное паломничество приобретает черты крестового похода [*Sīrat Banī Hilāl*, [s.d.], p. 594].

В народных романах изображаются и наивные представления христиан об очищающей чудотворной природе сакрального пространства Иерусалима. Например, в *Sīrat al-Zāhir Baybars* Хамкан, родственник короля Танжера, обманывает короля Каталонии 'Абд ал-Масиха, убеждая того отправить свои

сокровища в Иерусалим, чтобы ритуально «очистить» их. *Iḡsilhā min ‘ayn sulwān wa-ṭahhirhā min al-danas wa-l-najāsa wa iṣna’ malābis li-l-‘asākir minhā* [*Sīrat al-Zāhir Baybars*, 1996, vol. 4, p. 2713–2714] («Помой их в источнике Девы Марии³ и очисти их от грязи и скверны, и [затем] сделай из них доспехи для воинов»). В результате мусульманский герой завладевает этими богатствами, а ‘Абд ал-Масих попадает в плен к Бейбарсу.

Помимо этого, в народных романах есть сюжеты о том, что франки приносят в жертву мусульман в храме Гроба Господня. Иллюстрацию подобного нарратива мы видим в эпизоде *Sīrat al-Zāhir Baybars*, когда мусульманский герой Ибрагим попадает в плен к франкам. Благодаря «зеркалу трансформации» (*mirayat al-inqilāb*), которым пользуется принявшая ислам франкская принцесса, он на какое-то время начинает выглядеть как король франков, и решает использовать это, чтобы сбежать от них на корабле с командой из пленных мусульман. Для этого персонаж говорит франкам, что этих мусульман нельзя убивать, поскольку он хочет принести их в жертву в Иерусалиме: *Hā’ulā’i aqbaḥuhum qurbān ‘alā bāb al-qutāma al-quḍsiyya* [*Sīrat al-Zāhir Baybars*, 1996, vol. 5, p. 2812] («Этих я принесу в жертву у дверей храма Гроба Господня»). В произведении подобное жертвоприношение представлено как обычное для франков дело, и они легко верят в обман Ибрагима, в результате чего ему удается организовать побег.

Наконец, в народных романах содержится множество примеров, когда христиане напрямую угрожают Иерусалиму и намереваются захватить его.

Кэрл Хилленбранд и Малкольм Лайонс упоминают эпизод воплощения этого сценария в *Sīrat Dāt al-Himma*. По сюжету, на Ближний Восток прибывает франкский король Милас, которому во сне было приказано освободить Иерусалим из рук мусульман и сесть на трон в Константинополе [Lyons, 1995, p. 474–475]. Милас, обратившись с призывом ко всем землям франков, собирает большую армию, миновав Константинополь прибывает в Сирию, и там терпит поражение в сражении с главной героиней произведения [Hillenbrand, 1999, p. 265–266].

В *Sīrat ‘Antara ibn Šaddād* франкский король Хилджан также намеревается атаковать Иерусалим с большой армией, выступившей под бесчисленными знаменами и крестами. *Ḥaraja yaṭlubu al-ḥajj ilā bayt al-maqdis wa-‘ayn sulwān* [*Sīrat ‘Antara ibn Šaddād*, [s.d.], vol. 4, p. 211] («И он намеревался совершить паломничество в Иерусалим и к источнику Девы Марии»).

Высшая степень сакральности Мекки для мусульман также часто подчеркивается в романах. Например, в *Sīrat ‘Antara ibn Šaddād* византийский император обращается к ‘Антаре за помощью и сообщает, что правитель франков выступил с четырьмя сотнями тысяч воинов (*ḥaraja min bilād al-ifranj fī arba’umi’at alf qātil*). Когда ‘Антара узнает, что будет сражаться с франками, он клянется мусульманскими священными символами Мекки, что разобьет захватчиков: *Wa-qāla ‘antar wa-ḥaqq al-bayt al-ḥarām wa-zamzam wa-l-maqām la-aj’alannahum uḥdūṭa bayna al-anām* [*Sīrat ‘Antara ibn Šaddād*,

³ ‘Айн sulwān (букв. «источник утешения») — источник в долине Кедрон в Иерусалиме, также известный как «Источник Девы Марии», «Фонтан Богородицы» или «Источник Гихон».

[s.d.], vol. 8, p. 158] («И ‘Антарасказал: “[Клянусь] Каабой, Замзамом и Макамом [Ибрагимом], я сделаю [так, что] от них [останется лишь] предание среди людей”»).

В народных романах также присутствуют многочисленные упоминания о прямой угрозе Мекке со стороны христиан.

В *Sīrat Banī Hilāl* царь (*malik*) византийцев выступает в поход на Мекку. Правитель Мекки Кирдаб аш-Шариф бин Хашим направляет Бану Хилал касиду, в которой призывает их прийти на помощь против «отвратительного царя»: *Atā al-malik al-abša' min al-rūm [Sīrat Banī Hilāl, [s.d.], p. 36]* («Прибыл отвратительный царь Византии»); *al-abša' yḡlubu al-qitāl qāsid ilā makka wa-kull bilādihā li-yuḡharriba al-arḍ [Sīrat Banī Hilāl, [s.d.], p. 37]* («Отвратительный человек хочет сразиться, он направляется в Мекку и [соседние] города, чтобы разорить эту землю»).

В *Sīrat Dāt al-Himma* главный антагонист ‘Укба обещает королю Мануилу, что они захватят Мекку и Медину, разрушат Каабу и повсюду установят христианскую веру: *Wa tasīru ilā makka wa tuhaddimu al-bayt al-atīq wa-tasīru ilā yaṭrib bi-alf baṭrīq wa-tuḡharribu judrānahā [Sīrat Dāt al-Himma, 1980–1981, vol. 1, p. 887]* («И ты пойдешь на Мекку и разрушишь Каабу, а [затем] ты пойдешь на Ясриб с тысячей патрициев⁴ и разрушишь его стены»).

В этом же памятнике есть еще один пример нападения на Мекку. Патриций Ибн Джурджис начинает кампанию против Мухаммада, желая превратить Каабу в церковь: *Wa qāla urīdu aj'al ka'bat al-'aqrab bi'a li-l-rūm raḡman 'an anaf hakīmīnā al-maḍmūm tumma nāma wa huwa sakrān min al-ḡamr fa-ra'ā fī manāmihi anna al-samā' qad fataḡa lahā bab wa-nazala lahu šaḡṣ [Sīrat Dāt al-Himma, 1980–1981, T. 1, p. 290]* («И он сказал: “Я хочу превратить Каабу скорпиона⁵ в церковь для византийцев, несмотря на несогласие нашего разочаровавшегося мудреца⁶”, затем он уснул, пьяный от вина, и увидел во сне, что в небе открылась дверь и оттуда спустился человек»). Далее следует описание того, как сошедший к Ибн Джурджису во сне ангел карает его за нечистое намерение.

В данных примерах важна угроза превращения мусульманского сакрального пространства в христианское, что, возможно, является аллюзией на превращение крестоносцами ал-Аксы и Купола Скалы, а также других мечетей на территории государств крестоносцев, в церкви и использование их в профанных целях.

⁴ Патриций (πατρίκιος), ар. *baṭrīq* (мн.ч. *baṭariqa*) — один из высших византийских титулов. Этимологически слово связано с древнеримским сословием патрициев (лат. *patricius*), но имело иное значение. В отличие от Рима, где это был высший титул наследственной аристократии, в Византии он жаловался императором и не был наследственным. В Западной Европе этот титул имел большое значение и был связан с высоким воинским званием *magister militum*.

⁵ *Ka'bat al-'aqrab* – букв. «Кааба скорпиона», слово «скорпион» в данном случае, по-видимому, выступает как негативный эпитет.

⁶ Придворный мудрец по сюжету выступает против этой экспедиции.

Заключение

Хотя угроза сакральному пространству в народных романах зачастую исходит не от франков, а от византийцев, а в *Sīrat 'Antara ibn Šaddād* само действие и вовсе происходит в доисламские времена, весь комплекс сюжетов об угрозе сакральному пространству в этих произведениях можно считать отголоском Крестовых походов, поскольку народные романы складывались именно в этот период и, по-видимому, в некоторой степени, как ответ на эти события.

Необходимо выделить следующие черты нарратива о защите мусульманских сакральных пространств в данных памятниках. В первую очередь, важно отметить, что в романах нет эпизодов сражений непосредственно за Иерусалим и Мекку, так как христиане всегда терпят поражение на пути к этим городам. Еще один примечательный аспект заключается в том, что, когда речь идет о том, что христианский правитель «хочет совершить паломничество в Иерусалим», он всегда выступает с большим войском и во многих случаях заявляет, что хочет захватить это сакральное пространство. При этом христиан, особенно франков, в романах активно дегуманизируют и приписывают им языческие черты и обряды, вводя такие эпизоды, как человеческие жертвоприношения в храме Гроба Господня.

Народные романы также показывают представление средневековых арабов-мусульман о сфокусированности христиан на Иерусалиме и храме Гроба Господня. При этом несмотря на то, что Иерусалим изображается как более важная цель для христиан, и исторически он был объектом наиболее активной борьбы между конфессиями, Мекке в народных романах также уделяется большое внимание, поскольку она имеет огромное значение для самих мусульман.

Можно также с большой долей уверенности предположить, что благодаря широчайшей популярности народных романов в XIV–XIX вв., в коллективной памяти арабского населения Египта и Леванта до начала эпохи «Арабского возрождения» (*al-nahḍa*) сохранился концепт европейской угрозы мусульманскому сакральному пространству.

Список литературы / References

1. Boas A. *Jerusalem in the Time of the Crusades: Society, Landscape and Art in the Holy City under Frankish Rule*. London: Routledge, 2005.
2. Christie N. Exploring Europe through Medieval Islamic Folk Literature. *The Historian of Islam at Work. Essays in Honor of Hugh N. Kennedy*. Leiden: Brill, 2022, pp. 503–520.
3. Elad A. *Medieval Jerusalem and Islamic Worship – Holy Places, Ceremonies, Pilgrimage*. Leiden: Brill Academic Publishers, 1995.
4. Gerber H. *Remembering and Imagining Palestine: Identity and Nationalism from the Crusades to the Present*. London: Palgrave Macmillan, 2008.
5. Hillenbrand C. *The Crusades: Islamic Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
6. Lassner J. *Medieval Jerusalem: Forging an Islamic city in spaces sacred to Christians and Jews*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017.

7. Litvak M. *Palestinian Collective Memory and National Identity*. London: Palgrave Macmillan, 2009.
8. Lyons M. The Crusading Stratum in the Arabic Hero Cycles. *Crusaders and Muslims in Twelfth-Century Syria*. Leiden: Brill, 1993, pp. 147–161.
9. Lyons M. *The Arabian Epic. Heroic and Oral Story-telling. Volume 3: Texts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
10. Lyons M. The Land of War: Europe in the Arab Hero Cycles. *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001, pp. 41–51.
11. Phillips J. *The Life and Legend of the Sultan Saladin*. New Haven: Yale University Press, 2019.
12. *Sacred Space: Shrine, City, Land. Proceedings of the International Conference in Memory of Joshua Praver*. Ed. Benjamin Z. Kedar. Jerusalem: McMillan, 1998.
13. *Sīrat Antara ibn Šaddād* (Life of 'Antara ibn Šaddād). M. 1–8. Al-Qāhira: Maktabat al-Jumhūriyya al-'Arabiyya, [s.d.] (in Arabic).
14. *Sīrat Banī Hilāl al-kubrā al-šāmiyya al-ašliyya* (Life of Banū Hilāl Tribe, the original and the biggest, from Levant). Bayrūt: Maktabat al-Andalus, [s.d.] (in Arabic).
15. *Sīrat Dāt al-Himma* (Life of Dāt al-Himma). M. 1–7. Bayrūt: al-Maktaba al-Ša'biyya, 1980–1981 (in Arabic).
16. *Sīrat al-Zāhir Baybars* (Life of al-Zāhir Baybars). M. 1–5. Al-Qāhira: al-Hay'a al-Miṣriyya al-Āmma li-l-Kitāb, 1996 (in Arabic).
17. Sokolov O. The Memory of the Crusades in the Arabic Folk Epics: Images and Patterns. *Vostok (Oriens)*, № 6 (2022), pp. 172–181.

Информация об авторе

Соколов Олег Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Кафедры арабской филологии Восточного факультета, сотрудник Исследовательской лаборатории для анализа и моделирования социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; o.a.sokolov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6051-5239>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена рецензентами 23.10.2023; принята к публикации 01.11.2023; опубликована 27.12.2023.

Information about the author

Oleg A. Sokolov — PhD (Hist.), senior lecturer at the Department of Arabic Philology of the Faculty of Asian and African Studies, employee of the Research Laboratory for the Analysis and Modeling of Social Processes of St. Petersburg State

University, Saint-Petersburg, Russia; o.a.sokolov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6051-5239>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 01.11.2023; published 27.12.2023.

The author has read and approved the final manuscript.